

Католические поэты-латинисты XVII столетия не в силах были возродить ни «медь торжественной латыни» классической древности, ни пусть примитивную с точки зрения образованного филолога, но преисполненную искреннего чувства поэзию средневековых гимнов, таких, как «Dies irae» и «Stabat mater». Стихотворения Радера и Нисса — скорее книжные упражнения образованных филологов, благочестивые проповеди в стихах, чем подлинно лирические произведения. И дело не только в обилии мифологических образов, не только в холодной выспренной патетике, оборачивающейся пустой риторикой; дело в том, что все образы и предметы реального, земного мира, использованные для описания смерти, страшного суда, адских мучений, райского блаженства, оказались в их стихах начисто лишены конкретной, бытовой определенности, превратились в ничего не говорящие, выхолощенные, абстрактные символы.

В переводе Зигмунта Брудецкого мы встречаемся с совершенно новой системой поэтических образов. Связанные с земными ассоциациями, с бытовыми чертами и социальными конфликтами польской действительности XVII в., трагические раздумья о смерти и страшном суде, об аде и рае оказывались преисполненными подлинного, искреннего пафоса.

Разумеется, Брудецкий ни на шаг не отступил от религиозных идей и представлений, лежавших в основе переведенных им произведений. Он — верующий католик, не выходящий за рамки традиционного мирозерцания. Но стихи его — отнюдь не просто иллюстрация к богословским трактатам и проповедям (а именно в качестве подобных иллюстраций перепечатывались стихи Радера и Нисса в приложениях к изданиям сочинений Франсуа Костера). Используя привычную и знакомую всем современникам систему библейских образов, заимствуя евангельские выражения, он создал глубоко эмоциональное, самостоятельное произведение, значительно превосходящее по своим поэтическим достоинствам латинский оригинал. Образы польской природы, бытовые детали, современники — холопы и паны, ксендзы и шляхта — заполнили строфы поэмы, белый латинский стих сменился польским рифмованным силлабическим стихом.

Все это воспринял и развил дальше, применив уже к русскому языку и к русской действительности, Андрей Белобоцкий, создав свое «творение на русском диалекте». Так, используя традиционные сюжеты, всякий раз по-новому трактовали их иконописцы, — так на один и тот же средневековый текст создавали «Реквиемы» композиторы XVIII—XIX вв.

Связь «Пятикнижия» Белобоцкого с польским переводом Брудецкого прослеживается легко. Дело не только в частых полонизмах русского текста, легко объясняемых польским происхождением поэта; Белобоцкий использует образы и выражения стихов Брудецкого, отсутствующие в латинском оригинале (так, в 3-й строфе первой книги «dumy ptaszatek» Брудецкого Белобоцкий переводит «думы птиц, сладко поющих»; «жестоких царей» Нисса он вслед за польским поэтом — «Biádá Pánom!» — превращает в «господ жестоких» и т. д.). Вслед за Брудецким употребляет он и перекрестную рифму.

Однако, идя по пути, проложенному Брудецким, Белобоцкий не повторяет его; его перевод достаточно свободен и оригинален не только по отношению к латинскому, но и по отношению к польскому тексту. Белобоцкий, как мы уже отмечали,¹¹ широко использует в своей поэме русские реалии и отказывается от специфически польских деталей, имеющих

optakáne opisane. Rythmami: Polskiemu od X. Zygmunta Brudeckiego tegoż zakonu wyrażone; ср.: Polski słownik Biograficzny, t. III. Kraków, 1937, str. 4—5.

¹¹ А. Х. Горфункель. Андрей Белобоцкий — поэт и философ., стр. 205.